

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Вальтер Неринг

НЕМЕЦКИЕ БРОНЕТАНКОВЫЕ ВОЙСКА

**РАЗВИТИЕ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ
И ИСТОРИЯ БОЕВЫХ ОПЕРАЦИЙ**

1916—1945

За линией фронта. Военная история

Вальтер Неринг

**Немецкие бронетанковые
войска. Развитие военной
техники и история боевых
операций. 1916–1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(0)"1939/1945"
ББК 63.3(2)62

Неринг В.

Немецкие бронетанковые войска. Развитие военной техники и история боевых операций. 1916–1945 / В. Неринг — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Военная история)

ISBN 978-5-9524-5204-6

Генерал танковых войск, участник Первой и Второй мировых войн представляет историю создания и развития германских бронетанковых войск в обход решений Версальского договора. Автор прослеживает путь совершенствования танка, от первых неповоротливых образцов до мощных боевых машин 1945 г., анализирует их возможности и эффективность применения в сражениях. Наряду с историей бронетанковых войск, в том числе создания танковых школ для обучения личного состава, Неринг уделяет большое внимание наиболее значительным по масштабам действий этого рода войск во время Второй мировой войны в кампаниях во Франции, на Балканах, в Северной Африке, Польше и Советском Союзе.

УДК 94(0)"1939/1945"

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9524-5204-6

© Неринг В.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Новое оружие вступает на поле битвы	8
Глава 1. Танк в Первой мировой войне, 1916–1918 годы	8
Принципиальные положения	8
Исторический обзор	9
Изобретение современного танка	9
Сущность танка	11
Первое сражение с участием танков в 1916 году	11
Камбре, 1917 год	12
Германское наступление с 21 марта 1918 года без поддержки танков и контрнаступление сил Антанты с 18 июля 1918 года при поддержке танков	13
«Катастрофа 8 августа 1918 года»	14
Сражение «последних 100 дней»	15
Планы Антанты в отношении танков на 1919 год	17
Глава 2. Танк германской армии с 1916 по 1918 год	19
Оценка боевого применения танков с германской точки зрения	19
Мнение генерала от инфантерии Германа фон Куля	19
Недооценка танка и его возможностей	19
Оценки соотношения между возможностями танка и его обороной	19
Боевое применение танков германской стороной	22
Конструкция и использование в бою германских танков с 1916 по 1918 год	22
Намерения Верховного командования сухопутных сил на 1919 год	23
Танковые сражения 1918 года	24
Британский взгляд	24
Статья 171 Версальского договора	25
Часть вторая. Строительство и организация германских танковых войск после Первой мировой войны (1926–1945)	26
Глава 3. «Бестанковое время» с 1919 по 1934 год	26
Переходный период эры Секта с 1919 по 1926 год	26
Создание рейхсвера	26
Сект и танк	27
«Кама» – организация германского танкового училища под Казанью	28
Сухопутные войска Германии и танк (1921–1926)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вальтер Неринг
Немецкие бронетанковые войска.
Развитие военной техники и
история боевых операций. 1916–1945

© «Центрполиграф», 2016

* * *

Памяти генерала бронетанковых войск Гудериана

Предисловие

В течение многих лет автора побуждали записать его знания относительно истории германских бронетанковых войск. Первые импульсы в этом направлении исходили от издателей военно-исторической литературы Ганса Хеннинга Подзуна и американского историка Чарлза Бурдика.

Автор принял на себя многотрудную задачу, несмотря на имеющиеся многочисленные воспоминания, источники и документацию, в силу многообразия материала и многоаспектности вопроса, подойти только к приблизительному описанию подобной проблемы. Отдельные статьи многочисленных авторов, прежде всего об истории различных дивизий и других формирований вермахта, приведенные в примечаниях, содействовали выполнению этой работы.

При разработке концепции настоящей книги автор исходил из того, что ее читатель в основном осведомлен о военно-исторических событиях, имевших место в 1914–1945 годах. Исходя из предполагаемого объема книги, было бы невозможно, наряду с описанием развития и создания германских бронетанковых сил, также приводить описание их боевой тактики, детально рассматривать все танковые сражения или даже наиболее крупные операции танковых сил. Тем не менее критически рассмотрен ряд наиболее значительных по масштабам действий моторизованных и бронетанковых соединений, что позволяет сформировать общий взгляд на действия германских бронетанковых войск во время Второй мировой войны.

История возникновения бронетанковых сил на протяжении долгого времени сопровождалась тяжелейшими препятствиями и ожесточенным сопротивлением, чему был свидетелем автор данной работы в качестве ближайшего сотрудника Гудериана в годы их создания с 1932 по осень 1935 года. Затем Неринг стал сотрудником преемника Гудериана, в те годы полковника Фридриха Паулюса, вплоть до осени 1936 года. Дальнейший опыт в этом отношении он получил с 1937 по 1939 год в качестве командира 5-го танкового полка, входившего в состав дивизии, которой командовал генерал-лейтенант Лео фрайхерр Гейр фон Швеппенбург.

Начало Второй мировой войны автор книги встретил в качестве начальника штаба 19-го танкового корпуса Гудериана в Польше и этого же корпуса, а затем и танковой группы Гудериана во Франции, где он на личном опыте воплотил теоретические разработки применения недавно созданных бронетанковых частей. В 1941 году он был командиром 18-й танковой дивизии 2-й танковой группы (с 5 октября танковой армии) Гудериана, действовавшей в европейской части России, после этого командовал Африканским корпусом (первым командующим которого был Роммель) в Ливии и Египте, а после ранения под Эль-Аламейном осуществлял в ноябре – декабре 1942 года командование на плацдарме в Тунисе.

В ходе последних военных лет автор книги был командиром 24-го танкового корпуса на юге России под руководством таких командующих группами армий или армиями, как фон Манштейн, Хейнрици, Гот, Модель и Раус; с марта 1945 года он принял командование возглавлявшейся ранее генерал-полковником Хейнрици 1-й танковой армией в составе группы армий «Центр» Шёрнера и руководил ею вплоть до последнего дня войны.

В немногое свободное от армейского командования время автор занимался обработкой своих мыслей о вновь созданных маневренных войсках. Ход Первой мировой войны показал ему, молодому офицеру пехоты, что прежний, несмотря на всяческую помощь, темп наступления пехоты невозможно повысить в сколько-нибудь значительной мере с целью достижения оперативного успеха. В этом отношении он особенно внимательно изучил использование парижских такси осенью 1914 года для ошеломляюще быстрой переброски французских пехотинцев против правого фланга германских войск; а также равным образом решающе важную

роль грузовиков на *voie sacrée*¹ для обеспечения снабжения и постоянной смены защитников Вердена в 1916 году.

Примерно полтора десятка лет спустя, когда вопрос создания германского танка рассматривался снова, он опубликовал свою статью – во времена все еще «царицы оружия», в качестве которой выступала пехота, – с весьма передовым выводом о том, что «непредсказуемое и еще долго непредвиденное развитие техники может иметь решающее значение для ведения войны». В статье той автор далее продолжал: «В ожидании того, что технический прогресс будет идти вперед и в отношении танков, грядущее появление быстрых, мобильных, чрезвычайно боеспособных танковых частей приведет к тому... что нынешний способ ведения военных действий кардинальным образом изменится... В ходе грядущих войн бронированные боевые средства в любом случае будут играть основную роль в наземных сражениях...» Осенью 1934 года в ходе обсуждения концепции создания современных вооруженных сил он представил свою книгу «Войны завтрашнего дня», в которой развил свои взгляды на современную структуру вооруженных сил, в которой говорилось: «Существует взгляд, что на смену эпохе всадников и пехотинцев придет эпоха человека на моторизованном средстве...»

К настоящему времени развитие событий полностью подтвердило эти в то время революционные взгляды автора. Генерал де Голль оказал ему честь процитировать автора в своей книге «L'Appel 1940–1942» в качестве доказательства ошибочности своих тогдашних взглядов; несколько позже подобное сделал и С. И. Ойлинг в своей книге «Портреты власти».

В истории создания и развития бронетанковых сил прежде всего хотелось бы выделить два обстоятельства. Во-первых, чрезвычайно значительное влияние Гудериана, который описан в данной работе в меньшей мере как человек, но прежде всего как личность, в столь значительной степени повлиявшая на развитие бронетанковых сил. Для Гудериана – чье военное значение для генштабистов, историков и информированных публицистов не подлежит сомнению – лозунгом в вестибюле Школы бундесвера всегда было следующее изречение: «О Боже, дай мне... мужество изменить те вещи, которые я могу изменить...» Гудериан воплощал каждый раз это мужество, когда ему приходилось сражаться против всех тех препон, которые ставились перед ним со всех возможных направлений политическим и военным руководством.

Во-вторых, следует отметить, что руководство вермахта, представляя свои танковые части, располагает чрезвычайно скудной информацией об этих подразделениях. И, в заключение, автор считает, что он выполнил долг памяти обо всех своих сослуживцах, которые не были привержены никакой определенной идеологии, но служили своей стране по мере своих сил и способностей.

¹ Шоссе Бар-ле-Дюк – Верден, 65 км, названное «священным путем» или «дорогой в рай». В марте 1916 г. пропускная способность этой дороги доходила до 6 тыс. автомобилей в сутки, 4 в минуту. Только за 9 дней, с 27 февраля по 6 марта, по этому шоссе было перевезено 190 тыс. солдат, 23 тыс. тонн боеприпасов и 2500 тонн других грузов. Дорога сыграла очень важную роль в срыве планов немцев на быстрый захват Верденского укрепленного района в ходе Верденской операции, начавшейся 21 февраля. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иного.)

Часть первая. Новое оружие вступает на поле битвы

Роль реформатора в войсках со славным прошлым является одной из самых трудных и в то же время в высшей степени неблагодарной... Поэтому даже сильные личности с легкостью стараются избежать ее. Прусский фельдмаршал Кольмар фрайхерр фон дер Гольц-паша²

Глава 1. Танк в Первой мировой войне, 1916–1918 годы

Принципиальные положения

История германских бронетанковых войск охватывает период Первой и Второй мировых войн, а также важнейший период их возрождения между двумя мировыми войнами. Имеет смысл подробно рассмотреть этот временной отрезок, чтобы из полученного за это время опыта и новых знаний вычленили то, что является полезным и даже необходимым для настоящего и будущего. История повторяется не только в частностях, но образует определенные подобию, а принципиальные закономерности продолжают существовать и позволяют узнавать и вычленять себя.

Чрезвычайные успехи германских бронетанковых сил в первые годы Второй мировой войны и их непоколебимая стойкость в заключительный период, когда германские сухопутные силы давно уже действовали исключительно в обороне, побуждают прежде всего к тому, чтобы обдумать причины этого. Следует также иметь в виду, что в ходе Первой мировой войны в отношении «танка» или «боевой машины» обеими противоборствующими сторонами были сделаны ошибки или неверные выводы в организационном, техническом, тактическом или оперативном отношении. Эти объекты изучения показали, что даже выдающиеся личности могут ошибаться; они также с очевидностью выявили, что даже во времена массового производства отдельные целеустремленные личности – как Гейнц Гудериан – могут влиять на развитие процесса, если они верно воспринимают реальность и располагают достаточной энергией, чтобы воплотить в действительность свои идеи.

Точно так же эти процессы показали, что солдат должен постоянно приспосабливаться к поступательному развитию техники во всех областях, чтобы эффективно использовать появляющиеся новые средства ведения боевых действий.

Уже в начале XX века, еще до начала Первой мировой войны, во всех странах, которые впоследствии принимали в ней участие, началась эта эволюция. Также и в военном секторе после появления механизированных видов оружия началось внедрение двигателя внутреннего сгорания, который до этого применялся в весьма ограниченном объеме.

² Гольц Кольмар, фон дер (1843–1916) – германский генерал (с 1911 фельдмаршал). Участвовал в Австро-прусской (1866) и Франко-прусской войнах. Написал ряд военно-исторических работ; в работе «Вооруженный народ» (1883, рус. пер. 1886) обосновал идею массовой армии. С 1883 по 1885 г. в качестве члена, а затем главы германской военной миссии находился в Турции и руководил реорганизацией турецкой армии по германскому образцу. В 1911 г. основал «Союз германской молодежи» с целью воспитания юношества в духе милитаризма и шовинизма. Во время Первой мировой войны с апреля 1915 г. командующий 6-й турецкой армией, с октября – командующий турецкими и германскими войсками в Месопотамии и Иране. В 1915 г. отразил наступление английских войск на Багдад. В апреле 1916 г. под его руководством была пленена окруженная в декабре 1915 г. группировка (ок. 10 тыс.) английского генерала Таунсенда в Кут-эль-Амаре. Умер от тифа (или от яда) в Багдаде за несколько дней до капитуляции Таунсенда.

Исторический обзор

Мы располагаем после Первой и Второй мировых войн уже определенной временной дистанцией, позволяющей нам провести исторический обзор, одновременно с этим настало время для анализа, благодаря которому в столкновении мнений обрисовалась бы картина прошедшего.

До 1939 года было столь же тяжело, как и сегодня, представить истинную картину грядущей войны; но, по словам Клаузевица, «исторические примеры все проясняют», ибо они «обладают опытным знанием, которое является лучшим и самым сильным доказательством». Но к этому следует непременно добавить: с обусловленными временем ограничениями и поправками. Существо же в основном сохраняется в неприкосновенности.

Поскольку в основе «военного искусства» лежат прежде всего полученные опытные знания, которые не представляется возможным описать строгими формулами, военные, политики, а также историки должны стремиться к тому, чтобы извлечь из опыта прошлых войн определенные знания, на основании которых можно было сделать основополагающие выводы, позволяющие с высокой степенью надежности обеспечивать свои собственные оборонительные интересы. Необходимо также развивать новые идеи, чтобы для обеспечения суверенитета своей страны опираться «не на опыт «войны вчерашнего дня» (по словам англичанина Шепарда), но на возможные в будущем военные противоборства. А для этого было необходимо накануне 1939 года по крайней мере досконально изучить опыт прошлой войны 1914–1918 годов.

Надо было отрешиться от устоявшихся взглядов, внимательно проанализировать ошибочные решения, принятые в ходе войны, и критически рассмотреть вновь полученный опыт. К тому же надо было решить, куда может пойти новое развитие военных действий, чтобы предусмотреть тщательно продуманные оценки возможного хода войны в неизвестном пока будущем.

В качестве основы для наших более поздних знаний надо выбрать начало каждой крупной войны, в которой в первый раз действуют современные танки, и внимательно рассмотреть их роль в ходе военных действий.

Основные принципы военного искусства остаются неизменными. Как в античные времена, так и сегодня действуют элементарные законы военного искусства: для достижения в нужное время и в необходимой точке местного превосходства над врагом с целью гарантии победы необходимо быстро и при этом совершенно неожиданно сосредоточить превосходящие силы. Подобный принцип звучит достаточно просто; однако осуществление этой тактики из-за многочисленных препятствий в значительной мере осложняет проведение военных операций. Важнейшей предпосылкой является неожиданность, которая основывается на мобильности и скорости, делающих возможным сохранение тайны собственных намерений. Средства для этого изменяются с течением времени. В зависимости от обстоятельств необходимо грамотно их выбирать и применять соответствующим образом.

Изобретение современного танка

В ходе боевых действий былых времен, случалось, действовали колесницы, приводимые в движение лошадьми, и боевые слоны. В основе их применения лежало намерение обрести более значительную боевую мощь при приемлемых расходах, нежели у противника, который сражался пешим. Боец в колеснице или на слоне также имел преимущество перед своим пешим противником. Эти средства ведения войны перестали появляться на полях сражений, когда были разработаны новые, более действенные средства и приемы защиты.

Изобретение двигателя внутреннего сгорания и гусеничного движителя придало новую тактическую возможность древней идее о соединении скорости и боевой мощи. Однако военное министерство Австро-Венгрии отклонило в 1911 (по другим данным, в 1913-м) году направленные на его рассмотрение чертежи конструкции, разработанной обер-лейтенантом Бурштыном как неприменимые, даже не сделав попытки построить опытный образец танка.

Нечто подобное происходило и в Германии. Запатентованный проект Бурштына для конструкции самостоятельно движущегося по любой местности на перематывающихся гусеницах и вооруженного орудием транспортного средства постигла и здесь та же судьба. Стоит только перечитать то, что писала в 1912 году «Военно-техническая газета»: «Во всяком случае, это остроумное изобретение, которое, пожалуй, стоило бы попытаться воплотить практически... Если бы только его изобретатель Бурштын был бы столь любезен, чтобы нашел ему практическое применение...»

И в других странах Европы появлялись новые, революционные идеи, столь же регулярно отклоняемые³. С исторической точки зрения понять подобное отношение к ним достаточно трудно, поскольку уже Русско-японская война 1904–1905 годов ясно продемонстрировала всю эффективность обороны, построенной на массивной огневой мощи станковых пулеметов. Как еще можно было поражать эти по большей части хорошо укрытые и незначительные по размерам цели? Увеличением объема и интенсивности, доходящих до немыслимого усиления, артиллерийского огня – что впоследствии было проверено на полях сражений Западного фронта в ходе Первой мировой войны, – кажется, была найдена панацея, с помощью которой и можно было невероятным напряжением всех моральных и материальных сил разрушить оборону противника. Но ведь более удачным решением подобной проблемы была бы реализация предложенных проектов внедорожного гусеничного бронированного транспорта с орудием и применение его в качестве нейтрализатора и уничтожителя пулеметных точек! Разве уже тогда не становился понятным характер будущих войн и не следовало куда более тщательно оценивать предлагаемые проекты новых способов ведения военных действий с их предварительными практическими испытаниями?

В противоположность этому в Англии уже в конце 1914 года были сделаны выводы из безрезультатной и кровавой битвы за Фландрию. Когда явно стали видны огромная стоимость и ограниченная результативность артиллерийского огня, Филип Суинтон и Уинстон Черчилль схватились за идею современного танка.

Схожесть ситуации привела к тому, что вскоре после этого во Франции полковник Этьенн принял за рассмотрение этой же проблемы и, подобно британцам, посвятил себя решению этой задачи с аналогичной энергией. При этом, разумеется, командования сухопутными войсками союзников даже не подумали договориться о совместной разработке этого оружия, но предпочли делать это параллельно.

Оба этих проекта, будучи воплощенными в первоначальные образцы, оказались вполне пригодными для боевого применения. Разумеется, они имели определенные недостатки, которые с течением времени были устранены. Так возникли вполне пригодные для применения типы боевых машин, чье дальнейшее развитие энергично осуществлялось командованиями сухопутных сил союзников.

Из соображений сохранения тайны эти новые боевые машины получили в британских сухопутных войсках кодовое наименование «танк»⁴, под которым они и вошли в историю войн. Французы же называли свои боевые машины *char de combat* или *char d'assault*.

³ В частности, в России В. Д. Менделеев (сын великого ученого) в 1911–1915 гг. предлагал несколько проектов. По одному из них гусеничная бронированная машина имела вес 170 тонн, двигатель 250 л. с., была вооружена 120-мм пушкой и 1 пулеметом.

⁴ Tank (англ.) – бак, цистерна, резервуар, лохань.

Сущность танка

Для обеих боевых машин было характерно сочетание сильной огневой мощи и бронирования с мобильностью на местности благодаря гусеничному движителю наряду с ограниченным радиусом действия. Эти свойства давали им возможность сопровождать наступление пехоты. Оба типа танков вскоре проявили себя как боевые средства с большим моральным и фактическим огневым действием в сочетании с подвижностью. Благодаря своему неожиданному появлению в большом количестве они могли стать решающим фактором сражения, поскольку средства противотанковой борьбы имелись в совершенно недостаточном количестве либо вообще не были разработаны. Обладая довольно значительной броневой защитой для своего относительно немногочисленного экипажа, танки по сравнению с пехотой несли значительно меньшие потери.

Имеет смысл привести некоторые технические данные, относящиеся к танкам периода 1917–1918 годов:

а) Британский танк «Марк-4» имел длину 8 м, а высоту, как и ширину, 2,5 м. Его вес составлял от 26,4 (пулеметный) до 28 (пушечный) тонн. Двигатель мощностью от 125 л. с. придавал ему скорость до 6,4 км/ч (по шоссе). Танк был вооружен 2 орудиями калибра 57 мм и 4 пулеметами либо имел только 5 или 6 пулеметов. Экипаж танка составлял 8 человек. Запас хода ограничивался примерно 72 км². Броня имела толщину от 6 до 12 мм.

б) Британский легкий танк «Уиппет» 1918 года имел вес 14 тонн и развивал скорость до 12,5 (или 13) км/ч, броню 6–14 мм, экипаж 3 человека, 3 пулемета, запас хода 100 км.

в) Французский легкий танк «Рено» образца 1917 года весил всего 6,5 тонны, имел на вооружении 1 37-мм орудие или 1 пулемет и развивал скорость 9 км/ч. Его экипаж состоял только из 2 человек, броня 6–16 мм, запас хода 60 км.

Первое сражение с участием танков в 1916 году

15 сентября 1916 года новый вид вооружения британских сухопутных сил, до сих пор тщательно скрываемый в тайне, получил свое боевое крещение в сражении на Сомме. Из 49 танков «Тяжелой секции» 4-й британской армии на исходные боевые позиции удалось вывести только 32 боевые машины. Но танки, которые затем смогли принять участие в сражении, достигли только местных успехов, которые можно считать значительными. Джон Фредерик Чарлз Фуллер, в конце декабря 1916 года назначенный офицером главного штаба британского танкового корпуса, так описал это первое появление танков на поле боя: «Из-за технических дефектов и по причине труднопроходимого, изрытого воронками и разбитого поля боя лишь немногим танкам удалось принять участие в боевых действиях... Тем не менее стало ясно, что тактическая подвижность этих боевых машин наряду с их техническим усовершенствованием позволяет снова применить их в бою, причем не малыми группами, но массированным ударом. Это подтверждается высказываниями пленных немцев, согласно которым «солдаты ощущают себя совершенно бессильными против танков», это означает, что они ощущают себя безоружными. Достойно сожаления, что это не было доведено до сведения британского Верховного командования, поскольку танки вплоть до сражения при Камбре применялись в бою исключительно мелкими группами».

Хотя первые успехи, достигнутые в первом сражении с применением танков, не были впоследствии развиты, а противник оказался предупрежденным о существовании нового средства ведения войны, британское командование было убеждено в необходимости дальнейшего применения танков и приступило к их производству в количестве 1000 единиц для запланированного крупного наступления в 1917 году.

Камбре, 1917 год

После нескольких неудач в 1917 году, обусловленных частично несовершенной тактикой применения танков, а частично – недостаточной технической подготовкой проведения операций, командование британскими танками смогло наконец провести долгожданную проверку применения боевых машин в ходе сражения при Камбре 20 ноября 1917 года. В ходе этого сражения танковые войска достигли значительного успеха; эта битва стала *сражением оперативного танкового соединения*⁵. Особая ценность этой победы для Антанты состояла не в захвате значительного пространства, но в том, что огнине до сих пор часто еще недооцениваемое боевое средство доказало свою надежность и стало предметом требований всех соединений и частей сухопутных сил. Это воздействие сражения при Камбре немцы отчетливо ощутили спустя девять месяцев.

Наступление под Камбре стало для германских войск чрезвычайной неожиданностью. Британское командование в этом сражении в первый раз пошло на риск наступления без проведения прежде обязательной и продолжительной артиллерийской подготовки. В течение ночи танки выдвинулись на исходный рубеж для наступления, оставаясь неслышанными и необнаруженными. Это было идеальное, выдающимся образом подготовленное начало неожиданного наступления большого масштаба.

378 танков, входившие в состав 9 танковых батальонов, объединенных в 3 бригады, провалили позиции ничего не подозревающих германских войск на широком фронте, проделали проходы в проволочных заграждениях и подавили пулеметные гнезда; британская пехота следовала непосредственно за ними. Кавалерия сделала было попытку проникнуть через зону прорыва, но была остановлена огнем отдельных германских пулеметов из глубины обороны. Несмотря на это, британские войска за 12 часов наступления смогли продвинуться на 9 километров вперед на фронте шириной 13 километров.

Это стало горьким уроком для германской стороны. Тысячи солдат попали в британский плен, много орудий было потеряно, но тем не менее ошеломленному германскому командованию с громадным трудом удалось остановить продвижение британских войск в глубь обороны. До этого в течение трех военных лет подобные продвижения в глубь вражеских оборонительных позиций удавалось совершать только в результате многомесячных артиллерийских обстрелов с тяжелыми потерями с обеих сторон. Британское командование даже не рассчитывало на столь масштабный успех, потому и не сконцентрировало предварительно необходимое количество пехоты для дальнейшего развития наступления и не смогло его организовать, используя все преимущества столь существенного успеха действий танков, прорыв германского фронта с непредсказуемыми последствиями такого удара.

С британской стороны Фуллер следующим образом описывает этот ошеломляющий удар, в результате которого в течение 12 часов были прорваны четыре оборонительных полосы германской обороны без предварительной артиллерийской подготовки: «Атака началась... в 6:20 на местности, которая не была ранее под артиллерийский огонь. Неприятель в панике бежал, и в 16 часов – на рубеже, удаленном от исходного на семь миль – был достигнут прорыв протяженностью около шести миль. В ходе третьей битвы при Ипре для подобного продвижения без прорыва вражеской линии фронта потребовалось более трех месяцев. 8 тысяч вражеских

⁵ В конце 1916 г. были сформированы четыре танковых батальона. Существовавшая до этого времени «Тяжелая секция» (пулеметный корпус) была преобразована в Королевский танковый корпус под командованием полковника Элеса. 15 июля 1967 г. Королевский танковый корпус отпраздновал пятидесятилетие своего создания в Люнебургской пустоши под городом Целле. Танки «Центурион» (выпускался с 1945 по 1962) и «Марк-4» (производства 1917 г.) с оправданной гордостью прошли парадным маршем перед своей королевой. (Примеч. авт.)

солдат было взято в плен, около 100 орудий [и 350 пулеметов] захвачено в качестве трофеев⁶. Число взятых в плен вдвое превышает потери врага, который потерял, таким образом, около двух наступавших корпусов... Все это вполне ясно и отчетливо демонстрирует, что новое появление танковых сил на поле боя – что стало возможным благодаря двигателям внутреннего сгорания – приведет к прекращению затишья на фронтах, что окончательно подтвердило сражение при Амьене 8 августа 1918 года...»

Для германского командования это местное поражение под Камбре стало подтверждением старой теории о том, что решающим обстоятельством достижения успеха была и остается неожиданность. Германское командование, однако, не сделало для себя в полной мере вывод о том, что танки, благодаря своей подвижности и проходимости, могут быть задействованы почти на любом участке фронта, а это делает их надежным средством неожиданного наступления. С появлением этого нового вида боевых машин следовало бы действовать гораздо активнее в области танкового строительства и менее пассивно в разработке специального противотанкового оружия, чем это имело место в действительности.

Германское наступление с 21 марта 1918 года без поддержки танков и контрнаступление сил Антанты с 18 июля 1918 года при поддержке танков

Крупная, рассматриваемая германским Верховным командованием как решающая для окончания войны, попытка прорыва фронта, начатая 21 марта 1918 года, закончилась неудачей, поскольку в ней не участвовали в качестве решающей ударной силы собственные германские танковые войска. Германская сторона задействовала на фронте прорыва только десять танков, поскольку большего числа у нее просто не имелось в наличии. Можно предположить, что германское командование сделало ставку на новый метод ведения артиллерийского огня в ходе артподготовки наступления и не стало строить танки. Командование Антанты, в том числе и североамериканское, продолжало наращивать свои оборонительные вооружения и держало в полной боевой готовности свои танковые части до момента предстоящего коренного перелома в ходе войны.

18 июля 1918 года маршал Фош, главнокомандующий сухопутными войсками Антанты, начал масштабное контрнаступление против выдохшейся в ходе наступления германской армии в районе между Суасоном и Шато-Тьерри на фронте шириной до 40 километров. Длинными линиями, почти полностью скрываясь в высокой пшенице, двигались 600 танков⁷, наступая на вражескую пехоту. Как и при Камбре, их атака стала для германской стороны полной неожиданностью. Германская пехота не имела оборонительных средств против ведущих огонь маневренных боевых машин и была охвачена паникой. Вскоре стало необходимым подтянуть имевшиеся резервы; некоторые танки продвинулись до германских штабов и тыловых служб. Вся эта акция французов в смысле применения танков – как и при Камбре – основывалась на внезапности, маневренности и ошеломительности для неприятеля. Поставленные дымовые завесы, артиллерийский огонь, танки, пехота и авиация слаженно взаимодействовали в тща-

⁶ Сами же англичане потеряли 1500 человек. 21 ноября они продвинулись еще немного вперед, но преодолеть полужако-ченную полосу немецкой обороны, за которой простиралась открытая местность, не смогли. С 22 ноября немцы ввели в бой свежие дивизии, и война приобрела прежние позиционные формы. А 30 ноября – 6 декабря немцы сами нанесли контрудар, вернули большую часть потерянной территории, захватили около 9 тыс. пленных, 148 орудий, 716 пулеметов и 100 танков. Их продвижение не ожидавшим удара британцам удалось остановить с помощью танков.

⁷ Здесь у французов на участке 50 км имелось 500 танков, в бой 18 июля было введено 273 танка, при поддержке которых соединения 10-й и 6-й французских армий (на фронте 50 км 25 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, 2103 орудия и около 1100 самолетов) перешли в 4:35 18 июля в контрнаступление внезапно, без артподготовки, но под прикрытием огневого вала. Германские войска (на этом фронте 18 пехотных дивизий, 918 орудий и около 800 самолетов), неся большие потери, начали, под угрозой окружения, отступать.

тельно разработанной операции, которая привела 9-ю и 7-ю германские армии на грань поражения. И хотя к вечеру германской армии все же удалось предотвратить прорыв на этом участке, германское Верховное командование осознало, что ее наступление 1918 года миновало свой апогей и провалилось.

Маршал Фош продолжил свои усилия разбивать и уничтожать германские войска. Людские резервы, снаряжение и прежде всего танки в необходимых количествах были предоставлены в его распоряжение. Армии его наступали на врага непрерывно, и все чаще поступал приказ: «*Танки на фронт!*» Под их массированным давлением германские войска постепенно отступали на восток.

Моральные и физические силы сопротивления измотанных постоянными атаками, численно ослабленных и потерявших значительную часть вооружения германских дивизий быстро таяли. «Танковый ужас» распространялся среди их бойцов подобно эпидемии. Прежнее глубоко пренебрежительное отношение германского командования к этому новому виду оружия теперь жестоко отомстило ему.

«Катастрофа 8 августа 1918 года»

8 августа 1918 года под Амьеном 2-я германская армия получила новый тяжелый удар сил Антанты. Австралийцы, канадцы и французы пошли в атаку южнее Соммы по обе стороны городка Виллер-Бретонне, имея в своем распоряжении те же средства вооружения, что и 18 июля. Их действие оказалось еще более разрушительным.

Под Камбре союзное Верховное командование впервые располагало почти 400 танками⁸, сведенными в 9 танковых батальонов, которые скрытно были сосредоточены и без предшествующей артиллерийской подготовки брошены в ошеломившую противника атаку против четырех полос обороны, в результате которой достигли внушительных местных успехов. В июле 1918 года маршал Фош добился под Шато-Тьерри, имея почти вдвое большее число танков⁹, подобных же местных успехов. Спустя три недели германские части под командованием генерала Георга фон ден Марвица приняли на себя под селением Виллер-Бретонне ошеломительный удар массированных бронетанковых сил¹⁰, которые, двигаясь в тумане, быстро достигли и прорвали позиции пехоты и уже через полчаса остановились посреди артиллерийских батарей, орудия которых не сделали и одного выстрела.

Германское донесение так повествует об этом: «Дезорганизованные толпы германских солдат отходили через артиллерийские позиции в тыл. Панический ужас перед танками и превосходством сил противника лишил их всякой способности сражаться и повиноваться офицерам... Несчастный день, черный день германской армии...»

Слова эти пятьдесят лет спустя могут показаться весьма патетическими. Поэтому приведем еще один краткий отрывок из журнала боевых действий 227-го резервного пехотного полка, брошенного 8 августа 1918 года под Виллер-Бретонне для закрытия бреши на фронте. Пехотинец из Галле в донесении сообщает:

«Ранним утром 8 августа неприятель южнее Соммы по обеим сторонам широкой Римской дороги под Виллер-Бретонне в ходе наступления громадными танковыми силами совершил глубокий прорыв в наши ряды. Подготовленные и оборудованные позиции дивизии уничтожены до мельчайших остатков, вся установленная на них артиллерия полностью потеряна. Зов о помощи 2-й армии достиг измотанной в боях 107-й пехотной дивизии, которая только-

⁸ По другим данным, 24 км, по шоссе 54 км.

⁹ Не совсем верно — здесь было 500 танков, из которых в бой в первый день контрнаступления французы ввели 273.

¹⁰ 511 танков, поддержавших удар 18 пехотных и 3 кавалерийских дивизий союзников, имели также 2684 орудия и около 1000 самолетов против 7 ослабленных германских дивизий, 840 орудий и 106 самолетов.

только отошла на отдых. Около полудня из ее расположения вышла колонна грузовиков, чтобы закрыть нашими силами опасно расширяющуюся брешь на фронте.

227-й резервный пехотный полк к вечеру 8 августа тремя батальонами занял оборону по обе стороны [древней] Римской дороги под селением Фукокур. Утром 9 августа около 12:15 началась внезапная артподготовка. Крупные вражеские силы пошли в атаку на селение Ренкур. Атака эта была полностью отражена. Но дальше к югу неприятель при поддержке танков вклинился в селение Розьер... Соседняя дивизия слева потеряла селение Вовийе. Нашему левому флангу грозит серьезная опасность.

Неприятель использовал открытую местность. Около 6 часов вечера на наш открытый фланг с южного направления двинулась первая волна в количестве 8 танков. Единым строем наступали они на нас, шли широким фронтом, выдерживая интервал в 100 метров между соседними машинами и, перевалив через высоту, повели огонь, стреляя направо и налево. Изумительная картина, если бы только она не была чертовски серьезной. В пространстве между танками и под их защитой шли тонкие цепи пехотинцев. За ними грохотали еще две или три волны танков, уже готовые войти в образовавшуюся на фронте брешь, когда один из первых был подбит. Наши минометы и пулеметы были бессильны против этих защищенных броней колоссов, так как у наших пулеметов с влажными бумажными накладками для охлаждения стволов постоянно возникали задержки при стрельбе. Медленно, неся тяжелые потери, 2-й батальон отступал к Фрамвилью. Наши минометы, прикрывая отступление, вели огонь, пока танки не приблизились на 50 метров. Этот огонь им совершенно не вредил. В конце концов танковая лавина заняла и Фрамвиль, и Ренкур.

Между тем силы, удерживающие обе стороны Римской дороги, также были оттеснены до оврагов «Бавария» и «Дымовая труба». На высоте восточнее оврага «Дымовая труба» отчаянными усилиями ротмистра фон дер Шуленбурга наши тонкие линии пехотинцев снова закрепились. Но на какое время? Никакая сила, казалось, не могла противостоять этим бронированным чудовищам войны. Орудия 4-й батареи 221-го полка были выкачены на позиции против танков, сняты с передков и установлены для стрельбы прямой наводкой, но не успели принять участия в бою».

Приведем еще один краткий отрывок из заметок Фуллера о ходе сражения при Амьене: «Здесь в сражении участвовало 463 танка во взаимодействии с тремя корпусами британской 4-й армии под командованием генерала сэра Генри Роулинсона. Наступление и здесь удалось провести неожиданно, противник в панике бежал, а германский фронт был прорван... Когда 8 августа над полем битвы поднялось солнце, стало понятно, что крупнейшее поражение германской армии со времени начала войны[1] является свершившимся фактом. Это было больше чем просто ужасом, который повсеместно распространяли танки, и их мощь уничтожать врага дала возможность автору назвать свою монографию «Катастрофа 8 августа 1918 года». Этот ужас, сопровождавший танковые атаки, не позволял проводить планомерное отступление... войска противника тотчас же без боя обращались в неорганизованное бегство – и это стало неожиданной новостью для наступавших. Без участия танков подобный успех наступления был бы невозможен, именно внезапность наступления с участием боевых машин и стала причиной паники».

Сражение «последних 100 дней»

После кратких перерывов теперь последовали новые наступления Антанты. Началось «Сражение последних 100 дней».

Непрерывным потоком на фронт поступали все новые и новые танки.

Между Узой и Эной огневой вал наступления, поддержанный бронированными армиями и истребителями, смял позиции 9-й армии. Генерал Людендорф так написал об этом новом поражении: «...также и 20 августа стало черным днем для германской армии... войска более не могут выносить... танковых атак».

2 сентября линия Вотана была прорвана танками, ее защитники вынуждены были сдаться. За одной печальной вестью следовали другие. Снова и снова вражеские танки нанесли удары по нашим позициям и увлекали за собой свою собственную пехоту. Взаимодействовали с пехотой, однако, только незначительное число танков и боевых самолетов, поэтому их успехи были относительно скромными. Но продолжительность воздействия этих новых средств ведения войны поколебала стойкость германских сухопутных сил, которые на протяжении четырех с лишним лет сдерживали натиск армий почти всего мира. Чудовищные объемы материальных средств, которые неприятель столь энергично и решительно бросил на весы военного успеха, воплотив его в самые современные средства ведения войны, похоже, гарантировали ему этот успех.

Отдельные мнения из компетентных германских источников могут проиллюстрировать развитие событий на Западном фронте.

Генерал Людендорф в своих военных мемуарах пишет: «Танки в своем массовом применении... сыграли роковую роль... в ходе военных событий. Массированное применение танков и искусственных дымовых завес оставалось и в дальнейшем нашим самым опасным врагом... Войска более не могли выдерживать танковые атаки... 8 августа подтвердило закат нашей военной мощи... Военные действия приняли, как я это и высказал тогда, характер безответственной азартной игры, что я всегда считал бесплодным. Ставка судьбы германского народа на кон в рулетке всегда казалась для меня слишком высокой. Войну необходимо было заканчивать».

Можно было бы усомниться в объективности воспоминаний Людендорфа, но Фуллер признает вышеуказанные высказывания вполне резонными: «Людендорф вполне правильно оценил положение, которое создал танк в ходе боевых действий». В Федеральном архиве ФРГ в томе 36 «Сражений мировой войны» зафиксировано: «Войска в подлинном смысле этого слова находятся на грани своих сил».

Дополняет это мнение замечание генерал-майора Эриха Петтера в его работе «Противотанковая оборона в мировой войне 1914–1918 годов»: «Вражеские танки проделали всю работу против нас; причем не только в моральном плане, но также и в военном...»

Несмотря на почти невыносимое давление со стороны противника, фронт на этом направлении удерживался величайшим напряжением последних сил, давая возможность осуществлять медленное отступление вплоть до дня подписания перемирия 11 ноября 1918 года. Маршалу Фошу так и не удалось совершить решающий прорыв германского фронта, чтобы во всей красе продемонстрировать маневренную войну, окружить германские армии, разбить их наголову и достичь убедительной победы на поле боя.

Порой задают вопрос о причинах этого столь же негативного и для союзников утверждения. Существует только одно-единственное объяснение этого: силы противника также были предельно истощены. То, что они еще продолжали наступать, было обусловлено одним только фактором – военной и моральной поддержкой численно намного превосходящих танковых частей и сильной военной авиации, пока они еще были в состоянии подавлять или уничтожать германские силы. Если с германской стороны еще могли вести огонь пулеметы или артиллерийские батареи, то наступление неприятеля большей частью останавливалось почти сразу же после его начала.

Ситуация выглядела следующим образом: бои при участии танков проходили в тесном взаимодействии с их пехотой, которая помогала боевым машинам в ходе атаки, но при этом темп атаки был весьма медленным в случае интенсивного встречного огня, поскольку определялся темпом продвижения пехоты. Оборонявшиеся германские войска при этом распола-

гали временем, чтобы в глубине поля боя подготовить противотанковые средства и остановить наступающих или, по крайней мере, еще более замедлить их продвижение. Это стало причиной того, что те или иные вклинения сил неприятеля не привели к решающему прорыву фронта.

Но если же танки в ходе боя оказывались одни, без сопровождения пехоты, в глубине немецкой обороны, они часто становились жертвой обороняющихся, поскольку им теперь предстояло участие в ближнем бою без пехотной поддержки.

Танки тактически могли взламывать оборону неприятеля, но не были способны ни удерживать захваченное пространство, ни успешно действовать автономно в глубине обороны неприятеля. Они не имели возможности для оперативных действий. У них не было бронированной и моторизованной поддержки и дополнительных родов войск старого типа: пехоты и артиллерии. Достоинно удивления, но, оглядываясь назад, мы не можем найти в прошлом ни одного призыва к подобной поддержке. Попытки кавалерийского сопровождения танков потерпели неудачу еще при Камбре в 1917 году и Виллер-Бретонне в 1918 году, поскольку тактическая и оперативная мобильность кавалерии во времена современных средств ведения войны уже с 1914 года продемонстрировала свою иллюзорность. Можно было бы разместить пехоту прямо на танковой броне, поскольку более ранние модели танков были для этого достаточно велики, чтобы транспортировать ее на себе. Но в описываемое время подобные умозрительные перспективы реализации подобных проектов отсутствовали начисто.

Возможно также предположить, что Фош довольствуется своими прежними, а именно медленными и схематическими, но тем не менее действенными методами наступления, чтобы продвигаться вперед надежнее и не подвергать свои войска риску ответного удара, коль скоро германские возможности обороны до последних дней оценивались союзниками довольно высоко, хотя, скорее всего, и переоценивались.

Планы Антанты в отношении танков на 1919 год

Переоценку противником германской способности к сопротивлению подтверждают также планы окончания войны еще в текущем году посредством нанесения еще более масштабного танкового удара. Согласно предложению проницательного британского полковника Фуллера, начальника штаба танкового корпуса, тысячи танков должны были на широком фронте взломать германские оборонительные позиции и продвинуться вперед примерно на 100 километров в оперативную глубину оборонительного фронта противника, вплоть до расположения его крупных штабов, сосредоточения артиллерии, фронтовых аэродромов и оперативных резервов его сухопутных сил, с тем чтобы методично, шаг за шагом, парализовать всю зону германского сопротивления и сделать войска противника небоеспособными.

Если британцы к лету и осени 1918 года располагали примерно 2000 танков, а французы имели их в количестве примерно 4000 единиц, то Верховное командование Антанты стремилось довести это количество в 1919 году до более чем 8000 боевых машин для проведения решающего танкового сражения, при этом планировалось иметь 10 000 вездеходных транспортов для перебросок личного состава и снабжения.

Согласно сообщению Шеппарда, Черчилль в качестве министра вооружений в сентябре 1918 года требовал от премьер-министра Ллойд Джорджа формирования танковых корпусов численностью более 100 000 человек, «поскольку танки являются решающим фактором в войне... и предоставляют тактический перевес, без которого лучшие оперативные планы ничего не стоят».

Примерно в то же время (2 октября 1918 года) уполномоченный германского Верховного командования направил главам парламентских фракций германского рейхстага докладную записку, в которой разъяснял, что ожидать победоносного завершения войны более не представляется возможным. В ней буквально говорилось:

«1. *Танки*. Противник применяет их в неожиданно крупных количествах... Мы не в состоянии противопоставить действиям противника примерно такое же число боевых машин. Производить соответствующее число танков наша и без того чрезвычайно перенапряженная промышленность просто не в состоянии, иначе ей пришлось бы остановить производство многих других не менее необходимых вещей.

2. *Возмещение потерь личного состава...*» («потери, которые несут сухопутные войска, просто не могут быть возмещены призывом»).

Глава 2. Танк германской армии с 1916 по 1918 год

Оценка боевого применения танков с германской точки зрения

Мнение генерала от инфантерии Германа фон Куля

Что же предприняло германское Верховное командование после появления на полях сражений у вражеской стороны танков?

По этому поводу высказался генерал от инфантерии Герман фон Куль, который после 1918 года был экспертом следственной комиссии рейхстага по вопросам танков и противотанковой обороны, в своей работе «Мировая война 1914–1918 годов». Точка зрения Германа фон Куля состояла в том, что германское Верховное командование «не оценило своевременно и в полной мере значение нового средства ведения войны... *Появление танков* в подобной роли (под Камбре) *было значительным событием в ходе войны...* Мы были более не в состоянии наверстать преимущество противника в этом отношении... Трудоемкие усилия промышленности вследствие значительной перегруженности ее программой перевооружения (запущенной с осени 1916 года Гинденбургом) остались тщетными. Танки не были включены в масштабную программу перевооружения... Отсутствовали необходимые производственные площади, квалифицированная рабочая сила и необходимое сырье... Со стороны промышленности имелись заверения, что производство танков можно было организовать, если бы был своевременно дан соответствующий заказ и было бы четко поставлено задание... В конце концов все вопросы по сути нового средства ведения войны были возложены на командующего полевыми транспортными средствами... Лишь в начале 1918 года были изготовлены первые прототипы танков... К лету было принято решение начать массовое производство новых легких танков в количестве 800 экземпляров... Вплоть до конца войны к рассмотрению этого вопроса более не возвращались... Вне всякого сомнения, мы значительно отстали от противника в этой области...»

Недооценка танка и его возможностей

Весьма трудно понять, почему танк в качестве нового средства ведения войны был в столь значительной степени недооценен. Если мы начнем искать важные причины для такого отношения, то для нас станет лишь слабым утешением тот факт, что танк в момент своего появления был в такой же степени недооценен и даже отвергался и державами Антанты.

«Новое оружие после своего появления тут же обзавелось многочисленными противниками», – сообщает Шепард после кровопролитного сражения во Фландрии осенью 1917 года¹¹; но успех при Камбре, достигнутый 20 ноября того же года под личным командованием генерал-майора Хью Эллиса, знаменовал собой поворот в отношении к Королевскому танковому корпусу и тем самым открыл путь к окончательной победе союзников...»

Оценки соотношения между возможностями танка и его обороной

Как же оценивалось в то время командованием и войсками германской стороны новое средство ведения войны, которое со времени сражения при Камбре действовало в тесном взаи-

¹¹ Имеется в виду операция у Ипра 31 июля – 10 ноября 1917 г. (третье сражение во Фландрии). Фронт англичанам прорвать не удалось, они продвинулись на 6 км, потеряв 400 тыс. убитыми, ранеными, пропавшими без вести. Немцы потеряли 240 тыс.

модействии с военно-воздушными силами? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся целым рядом документированных высказываний и оценок, приведенных во временной последовательности, относящихся к 1917 и 1918 годам. Из этих документов видны колеблющиеся оценки ценности танков высшим командованием и в армейских соединениях и, как следствие этого, нерешительность при оценке необходимости производства собственных танков и совершенствования противотанкового вооружения против вражеских танков, проявленные германским Верховным командованием. Особенно интересно обратить внимание на то, что даже мнения в армейских частях и соединениях значительно разнятся между собой. Поэтому вполне можно согласиться с точкой зрения Верховного командования от 22 июля 1918 года, согласно которой «отдельные успехи против танков противника обобщались благодаря возвышенным чувствам общего успеха и вели к недооценке этого сильного боевого средства». Это слишком позднее осознание ситуации германским Верховным командованием становилось тем более понятным, чем больше танков появлялось у противника, что решающим образом повлияло на исход войны.

Выдержки из документов цитируются по уже упоминавшейся работе Эриха Петтера «Противотанковая оборона»:

1. Приказ прусского военного министерства от 21 октября 1916 года после первого применения танков на фронте под Соммой:

«Английские боевые машины проявили себя как оружие, которое не следует недооценивать...

Еще более значительно проявляется необходимость разработки и производства противотанковых средств. До тех пор пока они не появятся, одной лишь полевой артиллерии в общих случаях будет трудно противостоять танкам противника. Артиллерийская поддержка пехоты, которая, собственно, совершенно бессильна против танков, также является необходимой».

2. Выдержка из донесения из штаба корпуса № 25 от 15 апреля 1917 года о танковой атаке англичан под Буллекурмом (11 апреля 1917 года):

«Штаб корпуса считает опасность применения танков преувеличенной и не проводит для [усиления] противотанковой обороны никаких новых мероприятий. Два наступавших танка были обстреляны залповым огнем тяжелых полевых гаубиц и уничтожены при расходе от 23 до 30 снарядов».

3. Донесение из 27-й пехотной дивизии о том же самом бое:

«Моральный эффект, произведенный танками на пехоту, чрезвычайно велик. Фактическое влияние невозможно недооценивать. Противотанковая артиллерия малоэффективна. Представляется необходимым иметь небольшие, применяемые собственно пехотинцами траншейные артиллерийские орудия, которые должны быть не намного более сложными в обращении и обслуживании, чем пулеметы. Насыщение фронтовых порядков достаточным числом подобных орудий привело бы к прекращению танковых атак».

4. Донесение из 1123-го пехотного полка о том же самом бое, в ходе которого полк вывел из строя один-единственный танк:

«11 апреля 1917 года научило нас, что танки не являются слишком опасным оружием, более того, оказалось, что у нас имеются средства, которые сделают их небоеспособными».

В приказах от 18 ноября 1917 года «Основные принципы оборудования позиций» и от 20 ноября 1917 года «Боевая подготовка войск в зимний период» (оба приказа выпущены до сражения при Камбре) танки даже не упоминаются!

5. Приказ от 24 ноября 1917 года (после сражения при Камбре):

«Танки являются боевым средством, которое не следует недооценивать. Однако их атаки эффективны главным образом благодаря их неожиданности. При своевременном обнаружении и соответственно подготовленной обороне имеющихся средств отражения подобной атаки

вполне достаточно... Если пехота будет удерживать свои позиции даже и в том случае, если танки прорвут их, то атакующие танки уже не внушают такого ужаса».

6. Донесение «Группы армий герцога Альбрехта¹²» от 12 декабря 1917 года Верховному командованию сухопутных сил:

«Группа армий считает, что вопрос борьбы с танками противника можно будет считать решенным только в том случае, когда пехота будет снабжена средствами, которые позволят ей самостоятельно отражать подобные атаки».

7. Обобщенный отчет генерального командования № 54 о сражении при Камбре (от 20 ноября 1917 года):

«...возведение заграждений не является решением вопроса, куда лучшие результаты дает основательное противодействие...»

8. Донесение 119-го пехотного полка о пробной стрельбе от 12 декабря 1917 года:

«...в достатке снабженная подобным оружием (ручные гранаты, минометы, бронебойные патроны, легкие минометы) пехота не может остановить танковую атаку...»

9. Донесение 78-й пехотной дивизии о сражении под Суасоном 18–19 июля 1918 года, в ходе которого дивизия была вынуждена отступить на 9 километров и потеряла большую часть своей артиллерии:

«...танки воздействуют на войска лишь моральным образом... Их продвижение можно отнести главным образом за счет снизившегося боевого духа войск. С 1914 года полки не ощущают необходимости иметь танки...»

10. Приказ Верховного командования сухопутных сил от 22 июля 1918 года по итогам сражения при Суасоне:

«...Противодействие танкам должно заключаться также в повышении внимания. Наши прежние успехи привели к ослаблению внимания, уделяемому этому средству ведения боевых действий. Ныне мы должны ожидать появления на поле боя новых, с более мощной броней, меньших по размерам и более подвижных танков, представляющих куда большую опасность. Однако и им также можно успешно противостоять... В конце концов, повышенное внимание и боевая мощь пехоты являются решающим залогом успеха...»

11. Выдержка из письма командира 16-го пехотного полка генералу Людендорфу¹³ в июле 1918 года:

«Новые вражеские танки, меньшие по размерам, и в самом деле имели колоссальное моральное воздействие на наши войска...»

Из ответа: «Необходимо всеми средствами и способами организовать производство противотанкового оружия...»

¹² Альбрехт, герцог Вюртембергский – сын представителя боковой ветви Вюртембергского королевского дома герцога Филиппа (1838–1917; внука российского начальника Главного управления путей сообщения Александра Вюртембергского) и его жены эрцгерцогини Марии-Терезы Австрийской (1845–1927), дочери эрцгерцога Альбрехта, герцога Тешен (1817–1895) и принцессы Хильдегарды Баварской (1825–1864). // С 25 февраля 1917 г. – главнокомандующий «Группы армий герцога Альбрехта» («Фронт герцога Альбрехта», действовавшей от Вердена до границы со Швейцарией). В 1918 г. сюда входили 19-я армия и две армейские группы (всего 26,5 дивизии), этот фронт играл вспомогательную роль до самого конца войны, проводилась 9 апреля – 10 июня 1940 г.

¹³ Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм (Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff, 9 апреля 1865 – 20 декабря 1937) – немецкий генерал пехоты. Автор концепции «тотальной войны», которую он изложил в конце своей жизни в книге «Тотальная война». В августе 1914 г. – начальник штаба 8-й армии, вместе с Гинденбургом получил общенациональную известность после победы под Танненбергом; с августа 1916 г. генерал-квартирмейстер Верховного командования германской армии. Являясь непосредственным помощником Гинденбурга, который с августа 1914 г. командовал 8-й армией, с ноября войсками Восточного фронта, а с августа 1916 г. был начальником Генштаба, фактически руководил всеми операциями. После окончания войны близко сошелся с Гитлером, принимал участие в «пивном путче» 1923 г. В 1924–1928 гг. депутат рейхстага от национал-социалистической партии. Всегда выступал за возрождение военной мощи Германии, установление фашистской диктатуры.

12. Приказ Верховного командования сухопутных сил от 11 августа 1918 года, последовавший после катастрофы 8 августа 1918 года¹⁴, инициировавший решение о перемирии:

«В гораздо большей степени, чем ранее, требуется... уделять внимание противотанковой обороне... Многие части еще не могут соответствующим образом противостоять танковым атакам. Нам необходимо научить их этому...»

13. Контрудар одной из дивизий 17-й армии не удалось нанести 31 августа 1918 года, поскольку приданные ей танковые подразделения не смогли принять участие в нанесении удара из-за многочисленных технических неполадок.

14. Донесение 40-й дивизии от 6 сентября 1918 года, в котором высказывается обида войск на то, что с германской стороны не были введены в действие танковые части.

15. Агентурное донесение от конца сентября 1918 года, в котором сообщается, что с французской стороны успех последнего наступления приписывается тому, что в ходе его участвовало значительное количество легких и быстроходных танков «Рено».

16. Письмо генерала фон Врисберга в прусское военное министерство от 18 февраля 1918 года, направленное в отдел А2 министерства:

«С сожалением я констатирую, что, несмотря на все мое давление, никакое оружие против танков не будет создано вплоть до конца марта...»

17. Меморандум итальянского командования сухопутных сил о танковом наступлении сил Антанты в августе 1917 года:

«...Английские танки почти никогда не получали повреждений во время движения... Бронебойные пули немцев со стальным сердечником не пробивают их брони! Наиболее благоприятные условия для танковой атаки: на рассвете, в вечерних сумерках, при лунном свете или в тумане... Вражеские наблюдательные пункты надо ослеплять постановкой дымовых завес... Обязательна поддержка танковой атаки с воздуха: прикрытие, обеспечение безопасности, разведка, связь... 5 мая 1917 года танки приняли участие в боевых действиях. Лишь один танк был выведен из строя вражеской артиллерией... Применение англичанами танков куда искуснее, чем французами... Англичане лучше оперируют ими в тактическом отношении... И французское, и английское командование верит в это новое средство ведения войны...»

И наконец, сошлемся еще на два голоса со стороны противника: во-первых, тогдашнего британского подполковника Джеффри Мартелла, который в своей книге «В связи с танками» писал: «Противник использовал для противотанковой обороны¹⁵ до тридцати процентов своей полевой артиллерии, которая в связи с этим не могла выполнять свои традиционные задачи артиллерийской борьбы на поле боя...» Во-вторых, приведем мнение Шепарда, считающего, что «германская противотанковая оборона проявила себя совершенным неудачником», в чем он был совершенно прав.

Боевое применение танков германской стороной

Конструкция и использование в бою германских танков с 1916 по 1918 год

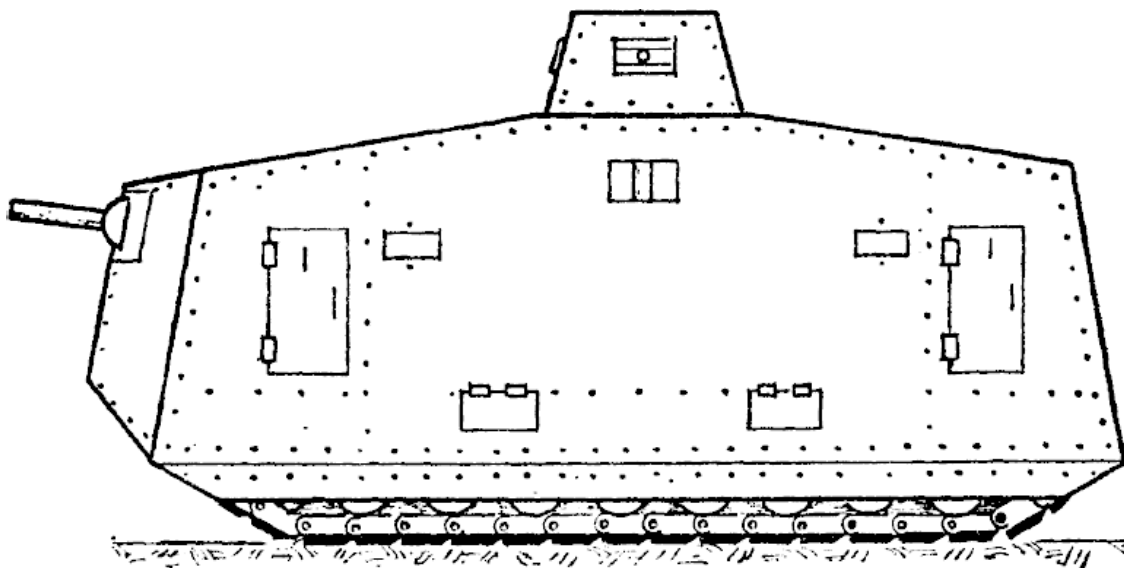
После первого появления британских танков на поле боя 15 сентября 1916 года германское Верховное командование сухопутных сил потребовало от военного министерства созда-

¹⁴ Имеется в виду Амьенская операция 8–13 августа 1918 г. – наступление союзных войск против германской армии во время Первой мировой войны у французского города Амьен; завершилось продвижением на 10–18 км на фронте в 75 км.

¹⁵ Выдающийся пример успешного применения артиллерии для подобных задач продемонстрировал 30 ноября 1917 г. унтер-офицер Теодор Крюгер, который из своего орудия подбил 16 танков. В его честь в 1966 г. была названа артиллерийская казарма бундесвера в городе Кузель земли Рейнланд-Пфальц. (Примеч. авт.)

ния собственного танка. В ноябре 1916 года главному инженеру Фольмеру из отдела A7 V было поручено разработать конструкцию «штурмового танка», который стал прообразом будущего танка «A7 V». Но заказ на строительство 100 танков был выдан только в ноябре 1917 года. Кроме этого, было решено начать создание двух тяжелых танков весом 150 тонн, каждый из которых должен был быть вооружен четырьмя орудиями калибра 75 мм, которые были готовы только в конце 1918 года.

Германской стороной также с успехом использовались в боях трофейные британские танки, после того как их рулевой механизм был значительно усовершенствован германскими конструкторами.

Танк A7 V образца 1918 года (конструкции Фольмера). Боевой вес: 35 тонн; максимальная скорость: 16 км/ч; радиус действия: 80 км; бронирование: 15–30 мм; вооружение: 1 пушка калибра 57 мм, 6 пулеметов; длина: 7,30 м; ширина: 3,05 м; высота: 3,04 м

Экипаж танка A7 V составлял от 22 до 26 человек. Его двигатель мощностью 200 лошадиных сил позволял ему развивать скорость до 16 км/ч. Проходимость танка вполне соответствовала тогдашним требованиям. Танк A7 V примерно соответствовал вражеским танкам, превосходя их по скорости, вооружению и бронированию. Если бы промышленность Германии могла выпускать его в более значительных количествах, он бы стал значительным боевым фактором для германского командования. К сожалению, удалось выпустить всего только 20 единиц этого танка. К ним следует также присовокупить около 25 трофейных танков. Все эти боевые машины с февраля 1918 года были включены в состав «батальонов тяжелых танков» с номерами от 1 до 9 по 5 танков в каждом.

Намерения Верховного командования сухопутных сил на 1919 год

Тем временем были также разработаны легкие танки LkI и LkII (вес 17 тонн, скорость 18 км/ч, экипаж 3 человека). Производство серии в 800 единиц было запущено с предписанием осуществлять его с «приоритетом I». Эти танки должны были поступить в войска в начале 1919 года. Из них предстояло сформировать три роты по 30 танков в каждой, разделенные на взводы, и штаб в составе 10 танков.

Танковые сражения 1918 года

О сражениях «батальона тяжелых танков» повествует тогдашний лейтенант 11-го батальона Эрнст Фолькхайм (приводится в выдержках):

«21 марта 1918 года два батальона успешно сражались под Сен-Кантенем, 24 апреля три батальона действовали южнее Виллер-Бретонне, при этом здесь впервые танки сражались против танков.

1 июня 1918 года было проведено наступление с ограниченными целями, 9 июня под Мондидье¹⁶ танки участвовали в бою, а 11 октября севернее городка Авен-ле-Сек нанесли по врагу удар, углубившись в его оборонительные порядки на расстояние до 8 километров, оставив отступление германской пехоты.

1 ноября состоялся последний бой с участием танков. После подписания перемирия майор Шепард подтвердил германские успехи соответствующим образом и подчеркнул неизгладимое впечатление, которое произвели на его войска германские танки.

Хотя и будучи немногочисленными количественно, танковые войска быстро завоевали доверие германской пехоты и признание высшего командования. Потребность в их проверенной поддержке была велика, но из-за крайне незначительного количества никогда полностью не удовлетворялась. Промедление 1916–1917 годов никогда так и не было наверстано. Германское отставание в области танкостроения и противотанковой обороны до конца войны не было преодолено».

По этому поводу в 1967 году высказался Клитманн¹⁷: «Вполне легко можно увидеть, что германское военное командование, несмотря на многочисленные ошибочные действия, принимало все меры к тому, чтобы в ходе Первой мировой войны и в особенности на последнем ее этапе ликвидировать преимущество союзников по Антанте в танкостроении».

Автор данной работы скептически относится к подобной точке зрения. Он считает, что можно и должно было сделать в этой области гораздо больше: 25 германских танков и примерно такое же число трофейных боевых машин, которые ближе к концу войны противостояли многим тысячам танков стран Антанты, служат явным свидетельством того, что Верховное командование сделало далеко не все, что оно тогда в состоянии было сделать.

Британский взгляд

Шепард пишет в своей книге «Танки в будущей войне»: «Как мы уже видели, британский танковый корпус должен был отстаивать право на свое существование в столь же серьезной борьбе против высшего командования и против армейских командиров, как и в тяжелых сражениях на поле боя, преодолевая сопротивление немцев... Танки сами по себе не могли бы выиграть эту войну, но без использования танков она вообще не была бы выиграна...»

Мнение, с которым вполне можно согласиться. Если бы германское командование разделило это мнение в 1918 году, то этот вопрос, несмотря на имеющиеся факты, оставался бы открытым на протяжении более чем десяти лет. Тогда считалось, что танк, при имеющейся современной, технически совершенной противотанковой обороне, уже сыграл свою историческую роль. Даже в Англии снова появились подобные сомнения.

¹⁶ По-видимому, имеется в виду Мондидье в 35 км к юго-востоку от Амьена.

¹⁷ Клитманн Курт Герхардт – известный немецкий историк и коллекционер, автор нескольких книг по истории Второй мировой войны.

Статья 171 Версальского договора

Окончательное завершение борьбы мнений по вопросу существования танков в кругах германских специалистов наступило 28 июля 1919 года, приняв вид жесткого диктата Версальского договора. Статья 171 представляла собой не только параграф мирного договора, который должен был ограничить наступательный потенциал побежденного противника, но являла собой условие, которое, совместно с другими статьями, должно было навсегда лишить Германию эффективной обороны как суверенного государства. Наряду с этим у нее должны были быть «всякие действенные виды оружия новейшего типа – которые не противоречат праву народов – выбиты из рук, такие как бронированные военные машины и танки, подводные лодки и воздушные летательные средства» (ст. 171, 181, 198).

Статья 171 устанавливала:

«Также запрещено изготовление внутри страны или же импорт в Германию броневигов, танков или каких-либо аналогичных изделий, которые могут служить военным целям».

Эта запретительная статья Версальского договора означала конец германских бронетанковых войск после 1918 года.

Версальский договор с точки зрения международного права никогда не был признан Соединенными Штатами Америки; его ратифицирование несколько раз отклонялось сенатом США. Однако несколько позднее, в 1921 году, Соединенные Штаты заключили с Германией мирный договор, который «позволял гарантировать все приоритеты Версальского договора».

Относительно вопроса моральной квалификации мирного договора между основными договаривающимися сторонами 1918 года здесь будут приведены только важнейшие мнения, прозвучавшие в лагере тогдашних военных противников Германии. Фуллер в своей работе о развитии межгосударственных отношений с 1789 года пишет следующее: «Версальский договор был подписан германской стороной 28 июня 1919 года в критической ситуации блокады и тем самым был в моральном отношении ничтожным».

Часть вторая. Строительство и организация германских танковых войск после Первой мировой войны (1926–1945)

Война усовершенствовалась. Новые убийственные средства ее ведения еще больше увеличили существующие трудности. Мы должны думать о том, как нам после точного изучения осознать системы наших противников и те трудности, которые они перед нами ставят, и найти пригодные для их преодоления средства.

Фридрих Великий

Глава 3. «Бестанковое время» с 1919 по 1934 год

Переходный период эры Секта с 1919 по 1926 год

Первый тяжелый год после подписания Версальского договора был ознаменован постоянной опасностью полного разрушения Германского государства.

В условиях подобного бедственного положения все еще остающиеся в государстве средства поддержания власти были переданы в марте 1920 года под управление генерал-майора Ганса фон Секта, чтобы они смогли пережить перемирие и политический кризис 1918–1919 годов или быть вновь воссозданными в режиме «охраны границ на востоке».

Создание рейхсвера

Ганс фон Сект, который в ходе Первой мировой войны сначала сражался на Восточном фронте в качестве начальника штаба 11-й армии Макензена, затем начальника штаба групп армий эрцгерцога Карла, а в декабре 1917 года занял пост начальника Генерального штаба турецкой армии, был после недолгой службы заместителем начальника Верховного командования сухопутных сил и начальника пограничных сил на севере в апреле 1919 года назначен по решению кабинета министров руководителем военных представителей при германской делегации на мирных переговорах в Версале. Будучи начальником войскового управления¹⁸, Сект после провала «капповского путча» стал командующим армейской группой рейхсвера «Норд», а вскоре после этого был назначен рейхспрезидентом Фридрихом Эбертом начальником управления сухопутных сил, фактически главнокомандующим рейхсвером.

Сект придал заново создаваемому рейхсверу свою самобытность. Совместно с министром обороны Отто Гесслером он провел рейхсвер «сквозь все перемены в кабинете министров... обеспечив ему... постоянное и стабильное развитие». Секту удалось до 1 января 1921 года из остатков старой императорской армии и из примерно 400 независимых, образовавшихся для защиты государства и правительства фрайкоров¹⁹ создать в рамках вооруженных

¹⁸ Под именем войскового управления (Тиррепамт) фактически скрывался германский Генеральный штаб, который был запрещен Версальским мирным договором.

¹⁹ Фрайкор (нем. Freikorps – свободный корпус, добровольческий корпус) – наименование целого ряда полувоенных патристических формирований, существовавших в Германии и Австрии в XVIII–XX вв. После Первой мировой войны также возникло несколько реваншистских организаций под названием «фрайкор»; многие из них позднее примкнули к нацистскому движению. В начале 1919 г. отряды фрайкора под руководством Густава Носке подавили выступления немецких коммунистов и крайне левых социал-демократов, намеревавшихся провозгласить советскую власть.

сил Германии (сухопутных сил и военно-морских сил) новые сухопутные вооруженные силы. В течение шести тяжелейших лет он решал эту задачу, закладывая фундамент для последующего возрождения позднейшего масштабного вермахта. С точки зрения Секта, сухопутные вооруженные силы должны были быть «мостом между старым и новым, вести к лучшему будущему». Версальский договор предоставлял возможность для этого, поскольку он не содержал никаких ограничений относительно способов и объемов подготовки позволенных Германии небольших сухопутных сил в количестве 100 000 профессиональных солдат. Именно отсюда и начинал Сект. Он создал кадровую, фактически офицерскую армию и воспитал ее в таком духе, базовые составляющие которого позволили в дальнейшем, несмотря на запрещенное и потому отсутствующее современное оружие, подготовить ее для развертывания в большую армию современного образца.

Успехи в создании такой армии, достигнутые несмотря на внутри- и внешнеполитические, а также, прежде всего, экономические трудности, принесли новому начальнику командования сухопутных сил признание как создателю рейхсвера.

Прямо на глазах наблюдателей из Межсоюзнической контрольной комиссии (ИМКК), которая действовала в Германии до февраля 1927 года, Секту удалось осуществить создание современной армии. «Мы сделали все, что могли», – сказал он, подразумевая, что в ходе этого процесса удалось не нарушить строгих ограничений Версальского договора. Он вполне хорошо представлял большую опасность, постоянно исходящую от Франции и Польши, которые следили за тем, чтобы не произошло возрождения рейхсвера и империи. Его планы оставались в своей основе вполне разумными и с точки зрения обоюдного потенциала сторон однозначно оборонительными, так что вполне можно было говорить главным образом об оборонно-способности Германии, у которой отсутствовало современное вооружение.

Сухопутные вооруженные силы стали одной большой офицерской школой, которая впоследствии выдающимся образом оправдала себя. Отбор перспективных офицеров, командование личным составом, тактические и оперативные задумки ищались и отрабатывались; вся армия представляла собой кадровый состав армии для будущего быстрого развертывания, но и создавалась она при этом без каких-либо потерь для ударной силы. Сект особенно заботился о том, чтобы его офицеры постоянно знакомились с взглядами и идеями военных кругов иностранных государств. С этой целью военное министерство издавало журнал «Иностранная военная мысль», который постоянно побуждал к изучению этой сферы, в особенности в отношении теоретических познаний запрещенного для Германии оружия.

Сект и танк

В программе подготовки, разработанной Сектом для рейхсвера, особое внимание уделялось технической подготовке и изучению оружия, взаимодействию всех родов войск и ставшей традиционной в прусской армии мобильности. В своем исследовании прусско-германской армии Гордон А. Крейг писал по этому поводу: «Версальский договор, естественно, возвел перед ним (Сектом) тяжелое препятствие на пути, поскольку он запрещал Германии применение наступательного оружия. Но все же и в таких условиях, в границах, установленных договором, Сект был вправе сделать многое... Офицеры командировались в Берлин в Высшую техническую школу на семинары, во время которых они знакомились с новейшими техническими достижениями, возможным применением современного вооружения. Проводилось изучение координации и взаимодействия различных родов войск, организации связи и разведывательной деятельности, которые затем отрабатывались на комплексных практических тренировках. Уже в 1921 году в Гарце²⁰ были проведены маневры моторизованных подразделений армии. А

²⁰ Горы Гарц (Harz от средневекового немецкого Hart – «горный лес») – самые северные горы средней высоты (до 1142 м) в Германии, самые высокие в Северной Германии. Вершинная поверхность платообразная, склоны преимущественно крутые,

зимой 1923/24 года подполковник Вальтер фон Браухич, будущий фельдмаршал (1940) и главнокомандующий сухопутными силами (с 1938 по 1941), организовал маневры с целью отработки взаимодействия между моторизованными частями и авиацией...»

В 1927 году Сект высказал свое мнение по проблеме «Современная кавалерия»: «Моторизованные транспортные средства предназначены для выполнения двух основных военных функций: перевозить *новые собственные средства вооружения* и (во-вторых) служить *транспортным средством* для личного состава, орудий и необходимого сухопутным силам снаряжения. *Танки* же заслуживают выделения их в особый род войск наряду с пехотой, кавалерией и артиллерией...» Спустя два года после своего ухода с поста командующего сухопутными силами в своей работе 1928 года «Современная сухопутная армия» Сект высказывает идею создания *высокомобильной небольшой по численности сухопутной армии*, боеспособность которой должна быть значительно более высокой за счет применения боевой авиации. Бывший тогда полковником Шарль де Голль высказал свою приверженность этой идее в своей книге «О профессиональной армии», в которой он подробно и обстоятельно разработал предложение о создании бронетанковой и моторизованной профессиональной армии.

Особо стоит выделить то обстоятельство, что Сект под свою ответственность организовал столь часто критикуемую воинскую подготовку германских солдат и военных инженеров авиации и бронетанковых сил в Советском Союзе. Эта интересная и проблематичная глава германо-советского сотрудничества заслуживает краткого описания в свете ее значения для последующего создания германских бронетанковых войск.

«Кама» – организация германского танкового училища под Казанью

В первые послевоенные годы совместные внешнеполитические интересы обусловили сближение Германии и СССР на почве устранения обоими государствами неблагоприятного для себя исхода Первой мировой войны. В те годы существовали надежды путем улучшения экономических отношений друг с другом и совместными выступлениями на мировой арене против ведущих государств мира по общим вопросам добиться более благоприятного положения в мире. С этой целью Германия и СССР²¹ заключили в 1922 году Рапалльский договор, за которым последовал Берлинский договор о дружбе от 24 апреля 1926 года.

Карл Х. Герман, говоря об осуществлявшихся контактных мероприятиях с СССР, обращает внимание на то, что «тыловое прикрытие с Востока до 1890 года было важной составной частью внешней политики Бисмарка; что это внешнеполитическое наследие было еще живо и составляло одну из неотложных проблем современности в 1919–1920 годах – сколь возможно быстро «снова занять переговорные позиции после того, как страны-победители в Версале опустились до того, что вознамерились тогда и впредь рассматривать Германию исключительно как мяч для игры. Имевшийся шанс... обойти клеветнические определения мирного договора, не нарушая условий договора, манил... Солдаты смотрели именно с этой точки зрения на строительство предприятий для выпуска военного снаряжения, на теоретические занятия и освоение запрещенного оружия... вполне приемлемая концепция, причем тогда они были никак не единственными сторонниками такой прорусской доктрины. Все участники к тому времени знали и понимали возможный риск подобных мероприятий и не выходили за рамки определенных ограничений».

Генерал-полковник фон Сект не участвовал в заключении Рапалльского договора; однако по его заданию несколько позже генерал-майор Хассе и полковник фон Шлейхер согласовали существенные детали относительно желаемой обеими сторонами помощи в боевой подготовке. В 1921 году в рамках осуществления внешнеполитических отношений между Германией и

поросшие пихтовыми лесами.

²¹ На тот момент РСФСР, СССР был образован 30 декабря 1922 г.

СССР по прямому указанию Ленина последовали переговоры, сначала зондирующие, относительно заключения первого торгового договора. За ними последовали новые переговоры, завершившиеся 8 декабря 1921 года, когда рейхсканцлер и военное министерство заключили известное соглашение: военное министерство создало особую группу «Р» («R») под командованием полковника Николаи²², которая образовала свой филиал в советской столице под названием «Централе Москау» под командованием полковника Лит-Томсена и его сотрудника полковника барона фон Нидермайера²³.

Если совместные военно-промышленные проекты в СССР оказались малоуспешными, то «военное сотрудничество между рейхсвером и Красной армией развивалось совершенно беспрепятственно... В летном училище в Липецке и в танковой школе под Казанью проходили военную подготовку авиационные и танковые специалисты, а также осуществлялись испытания, оценка и разработка вооружения, запрещенного в Германии. Для служебного руководства рейхсвер командирует в Россию своих специалистов, однако их деловое сотрудничество постепенно ослабевает. Высшие германские и советские офицеры время от времени инспектируют центры подготовки...».

О развитии этого сотрудничества между рейхсвером и Красной армией существует в высшей степени интересное описание Хельма Шпейделя, в котором этот в будущем генерал люфтваффе повествует прежде всего о значении этой программы для создания люфтваффе в 1933–1934 годах.

Наряду с оборудованием аэродрома под Липецком и организацией школы для обучения тактике войны с применением химического оружия вблизи Саратова СССР предоставил для организации германской танковой школы под Казанью тренировочный полигон, жилые помещения, оборудование и вспомогательную рабочую силу. Благодаря расположению танкового тренировочного полигона вдоль течения реки Камы этот германский центр подготовки танкистов получил условное обозначение «Кама». В литературе она также известна как танковая школа «Казань».

Эти три подготовительных центра образовали германские военные базы для обучения личного состава и технической подготовки рейхсвера на территории СССР. Они действовали вплоть до окончания германо-советского сотрудничества в 1933 году. Русские предоставляли в распоряжение немцев для подготовки танкового персонала наряду с полигонами и войсками – в качестве вспомогательной рабочей силы и учебного персонала – также и танки первых серий (танки серий МС-1 и МС-2²⁴ с 37-мм орудием). Вклад германской стороны состоял из преподавательского состава, инженеров, техников и оснащения. Советские офицеры также получили право посещать учебные курсы и маневры в Германии.

Эти процессы после 1945 года были освещены в печати и публицистических выступлениях, от случая к случаю подвергались критике – зачастую в неверном освещении. Подготовка танкистов началась с середины 1920-х годов. С германской стороны в ней принимали участие ряд молодых офицеров и инженеров, которые с 1933 года стали ценными преподавателями для германских бронетанковых войск. Среди них были такие офицеры, как Хаарде, Колль, Кребер, Кречмер, Линнарц, Недтвиг, Зибург, Штефан, барон фон Тома-и-Томале, затем с 1929 по 1933 год старший инженер Бауманн, доктор Мерц и инженер Энгель. Руководство школой

²² Николаи Вальтер (Walter Nicolai; 1873–1947, Москва, СССР) – немецкий военный деятель, полковник. Николаи возглавлял германскую разведывательную службу с 1913 по 1919 г.

²³ Нидермайер Оскар фон (Oskar Ritter von Niedermayer, 1885, Фрайзинг, Германская империя – 1948, Владимир, СССР) – немецкий военный деятель, разведчик.

²⁴ Имеется в виду легкий танк МС-1 («малый» сопровождения), получивший после усовершенствования ходовой части индекс Т-18. Создавался после изучения трофейных французских «Рено», но несколько превосходил прототип. С июня 1927 (принятие на вооружение) до 1931 г. было выпущено более 900 Т-18.

осуществлял с 1927 по 1929 год директор Мальбранд, с 1929 по 1931 год майор барон фон Радльмайер и завершил в 1933 году майор Гарпе.

Полковник Гудериан в 1932 году вместе с генералом Лутцем, будучи в командировке, посетил танковую школу «Кама», где не только готовились будущие искусные танковые командиры, но также проходили испытания прототипы первых германских танков.

С советской стороны на учебные курсы и тактические маневры в Германию направлялись наряду с будущим маршалом (с 1935) Тухачевским также и другие, ставшие известными во время Второй мировой войны советские генералы и военачальники, такие как, например, будущий маршал (с 1943) Жуков. Отношения между офицерами рейхсвера и Красной армии всегда сохранялись дружественными. Ставший позднее генерал-майором Теодор Кречмер, который в 1933 году был слушателем последнего, через несколько месяцев прерванного учебного курса в школе «Кама» сообщал, что завершение этих танковых курсов в августе 1933 года «воспринималось русскими как весьма печальное событие». Окончание последнего учебного курса в Казани прошло осенью 1933 года почти без всяких осложнений. Только ликвидация совместного оборудования и средств обучения вызвала некоторые трения, особенно для генерала Лутца, которого особенно заботило надежное возвращение прототипов германских танков. Но в конце концов и эта «проблема» к взаимному удовлетворению была решена после личного вмешательства Тухачевского²⁵.

Советский полковник инженерных войск Мостовенко в своей книге «Танки вчера и сегодня» (1961) описывает результаты тогдашнего германо-советского сотрудничества и отмечает, что «...в области военной техники в 1924–1928 годах была проделана значительная работа... В период 1928–1931 годов советская военная наука определила для каждого времени оптимальную организационную форму моторизованных и бронетанковых частей и соединений. В 1929 году началось создание моторизованных формирований, способных к самостоятельным оперативным действиям...». Подобным же образом советский журнал «Техника и вооружение» (№ 9/1966) сообщал о развитии русского танкостроения с 1920 года.

Школа «Кама», которая очень скоро перестала быть секретом для ведущих мировых держав, не представляла собой нарушение условий Версальского договора, поскольку в Казани не только не изготавливались танки, но и оттуда «не ввозились в Германию танки или другое аналогичное оружие». Так что с точки зрения тогдашних мировых держав все там происходившее никоим образом не могло привести к существенному повышению германского танкового потенциала.

Даже иностранные публицисты не ставили под сомнение законное стремление германского политического и военного руководства выйти из односторонних ограничений статьями Версальского договора германского суверенитета, как это в свое время с успехом удалось сделать Пруссии против Наполеона I под управлением Шарнхорста и Гнейзенау. Британский публицист Бэзил Генри Лиддел Гарт утверждал в своих работах, что позиция, влияние и результаты действий германских генералов между 1930 и 1945 годами таковы, какими они и должны были быть изначально, что Сект со всей своей энергией посвятил себя одной задаче – снять с Германии оковы Версальского договора и «подготовить дорогу к тому, чтобы Германия вернула себе военную мощь, – как это должен был делать каждый солдат любой страны в аналогичных обстоятельствах».

Ценность школы «Кама» состояла в том, что ее деятельность представляла собой подготовку для последующей реорганизации сухопутных сил. Практическое использование подготовки и опыта учебных танковых курсов Казани было в то время в Германии невозможно, поскольку в стране вплоть до 1935 года не существовало бронетанковых частей. «Кама» дала

²⁵ В описываемое время, с 1931 по 1934 г., замнаркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР, начальник вооружений РККА.

возможность сформировать группу хорошо образованных офицеров-инструкторов, без которых быстрое создание первых учебных подразделений в 1934–1935 годах едва ли было бы возможно.

Между высшим военным командованием обеих стран не было заключено никаких договоров, существовали только договоренности. Правительство Германии и ее президент дали свое согласие и регулярно информировались о происходящем. Упреки в адрес Секта, появлявшиеся порой в прессе, являлись совершенно безосновательными. Поэтому правительство Германии, которое заблаговременно узнало, что союзники по Антанте, очевидно, были готовы не обращать внимания на общее обещание разоружения согласно преамбуле к части V Версальского договора, действовало в соответствии с поведением командования сухопутных войск. В начале января 1923 года в кабинете Куно²⁶ возникло мнение, что в результате занятия Рурской области франко-бельгийскими войсками Версальский договор односторонне нарушен союзниками по Антанте, а поэтому его условия более не обязательны для Германии.

Сект, который недоброжелательно относился к большевизму, сумел прагматично извлечь из всего этого пользу в условиях необходимости глубоких ограничений государственного суверенитета. Один из его последователей и преемников, генерал Курт барон фон Хаммерштайн-Экворд²⁷, с 1931 по 1934 год занимавший пост главнокомандующего рейхсвером, разъяснил свою точку зрения 24 апреля 1931 года перед офицерами 2-го группового командования в Касселе: «...Германская внешняя политика на протяжении последних лет проводится по абсолютно прямой линии. Ее дипломаты ищут поддержки у Москвы, поскольку Запад пока не в состоянии предложить нечто сравнимое с тем, что могут предложить русские. Отношения с Москвой представляют собой пакт с дьяволом; но у нас нет другого выбора... Отсюда вывод для командования сухопутных сил: непоколебимо отвергать все влияния на интересы вооруженных сил. Нельзя упускать ни малейшей возможности для расширения этой работы...» Сенсационно выглядели также «разоблачения» Филиппа Шейдемана²⁸ 16 декабря 1926 года в рейхстаге о предполагаемом «союзе рейхсвера с русскими». Они также стали одной из причин последующего ухода Шейдемана, политика которого в отношении вооруженных сил оставалась в значительной степени спорной.

Сухопутные войска Германии и танк (1921–1926)

Танки и наряду с ними танковые подразделения были запрещены в Германии на основании Версальского договора. Оставшиеся от бывших «батальонов тяжелых танков» боевые машины времен войны были лишены моторов в Висбадене. Такая же судьба постигла и «добровольный танковый батальон Феттера», который участвовал в боях против спартаковцев²⁹ в Берлине. В ходе этих боев погиб последний офицер танковых войск Шефер.

²⁶ Куно Вильгельм Карл Йозеф (Wilhelm Carl Josef Cuno; 1876, Зуль – 1933, Аумюле близ Гамбурга) – немецкий политик. С ноября 1922 по август 1923 г. занимал пост рейхсканцлера Германии. Куно был ставленником группы Стиннеса и был тесно связан с американским капиталом как генеральный директор компании «Гапаг», имевшей договор с американским концерном Гарримана, и как член наблюдательного совета германо-американского нефтяного общества, входившего в трест Рокфеллера. В результате массовых забастовок по всей Германии, начавшихся после оккупации Рура Францией, правительство Куно пало – после того, как 12 августа началась уже всеобщая забастовка.

²⁷ Куртбарон фон Хаммерштайн – Экворд (Kurt von Hammerstein-Equord) (1878 – 25 апреля 1943) – немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал пост главнокомандующего рейхсвером. Был известен как убежденный противник Гитлера и нацистского режима.

²⁸ Шейдеман Филипп (Шайдеманн, Philipp Scheidemann; 26 июля 1865, Кассель – 29 ноября 1939, Копенгаген) – немецкий политик, социал-демократ, провозгласивший Германию республикой 9 ноября 1918 г. (в результате Ноябрьской революции), первый премьер-министр Веймарской республики (канцлер).

²⁹ «Союз Спартака» (нем. Spartakusbund) – марксистская организация в Германии начала XX в. Во время Первой мировой войны призывал к мировой пролетарской революции, которая свергнет мировой капитализм, империализм и милитаризм. В январе 1919 г. спартаковцы (которые к этому времени 29 декабря 1918 – 1 января 1919 г. совместно с другими левыми радикалами конституировались как учредительный съезд Коммунистической партии Германии) и независимые социал-демократы

Память о танках оставалась после войны лишь в транспортных частях, которые в количестве семи подразделений обслуживали семь дивизий, из которых состояли сухопутные силы Германии.

Подобно тому как в 1921 году многие испытанные в боях молодые офицеры переходили в кавалерию (как ставшие позднее генералами танковых войск Дитрих фон Заукен и Герман Бальк), чтобы использовать свой пехотный опыт в кавалерии, таким же образом поступало и командование сухопутных сил при реформировании транспортных частей. Тогда и в более поздние времена в них переводились молодые «обстрелянные» добровольцы, чтобы в рамках чрезвычайно ограниченного Версальским договором офицерского корпуса сохранить для рейхсвера опытных фронтовых офицеров.

Для этих целей использовали преимущественно пехотинцев, но также и летчиков, сапёров, военных железнодорожников, кавалеристов и артиллеристов – смешанный состав проверенных фронтом бойцов. Заново сформированные транспортные части сохраняли даже традиции летчиков и воздухоплавателей, которые рейхсверу было запрещено иметь Версальским договором. Из офицеров этих транспортных частей в 7-м (баварском) батальоне только три офицера имели высшие баварские награды за доблесть: Бруно риттер фон³⁰ Хауеншильд, Людвиг риттер фон Радльмайер, Вильгельм риттер фон Тома – будущие командиры танковых войск. Позднее, в годы формирования бронетанковых частей или в период Второй мировой войны станут известны как создатели или командиры танковых войск Георг фон Бисмарк, Дрансфельд, Эрлер, Фихтнер, Фронхедер, братья Хаарде, Гарпе, фон Гартлиб, Колль, Коройбер, Крафт, Линнарц, Недвиг, Шталь, Штефан и многие другие, чьи имена еще должны быть названы.

То, что командование, затеявая эти новые формирования и реформирования транспортных частей, уже на ранней их стадии предполагало, что они приведут к созданию бронетанковых войск, вряд ли можно утверждать наверняка. Эта концепция появилась и завладела умами лишь в конце 20-х годов, когда подготовка на учебных курсах школы «Кама» и последующее реформирование транспортных подразделений в мотоциклетные роты и бронетанковые разведывательные роты набрало размах. Лишь несколькими годами позже благодаря инициативе своих инспекторов и командиров, а также на основе собственной активности этих частей стали появляться признаки тогда еще не всем заметного их развития.

Среди молодых офицеров транспортных частей служил также и лейтенант Эрнст Фолькгейм, который в 1918 году в качестве командира взвода одного из германских танковых батальонов побывал в боях и обрел в них бесценный боевой опыт, который он стал анализировать и развивать. В 1922 году он опубликовал исследование «Германские танки в мировой войне», а в 1923–1924 годах вышла его важная работа «Танк в современных военных действиях», которую он создал в тесном сотрудничестве с командованием сухопутных сил.

объявили всеобщую забастовку и подняли восстание, но в ходе столкновений с армией и образованными из нее фрайкорами, подчинявшимися временному правительству Фридриха Эберта, оно было подавлено, а многие спартаковцы убиты.

³⁰ Награждение офицера Баварским Рыцарским крестом Королевского Баварского военного ордена Максимилиана-Иосифа давало титул «риттер фон» (дворянство в ранге рыцаря).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.